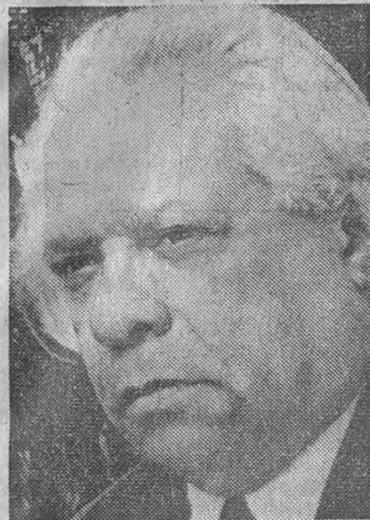

АЛЫЙ ПАРУС ПОЭЗИИ

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

В ВЕЧЕРАМИ, когда спадает тяжелая дневная духота, тысячи гавандцев устремляются на Малекон — знаменитую столичную набережную — вдохнуть глоток освежающего бриза, полюбоваться раздольной красотой засыпающего Мексиканского залива. Невысокий плотный человек с крупной седой головой медленно шел вдоль берега, заложив руку за спину, и пристально вглядывался в лица сидевших на парапете людей. Мы поздоровались, поговорили о том о сем и — о, неосторожность! — я попросил его о встрече. Николас Гильен удивленно поднял глаза, не скрывая ироничной улыбки:

— Интервью? Я весь в своих стихах, добавить мне нечего. Когда это только возможно, я стараюсь не говорить о себе. Для меня это мука. Всего хорошего...

Было это около года назад. Потом мы встретились еще не раз, но к теме прерванного разговора не возвращались. Конечно, работа в Союзе писателей, большая общественная деятельность оставляют так мало времени на поэтическое творчество, что транжирить его просто грех. И вдруг недавно на выставке кубинских фотомастеров, побывавших в Советском Союзе, Гильен сам вспомнил о том разговоре:

— Чувство журналистской солидарности заставляет меня изменить решение. Приходите...

Он рассмеялся добрым, заразительным, громким смехом. Только потом, уже после нашего разговора, я понял: в смехе — весь Гильен, молодой, умеющий радоваться, сохранивший в свои семьдесят лет удивительную непосредственность восприятия, живой, остроумный. И как всегда — в поэзии и в жизни — задиристый и юлочий.

В башоном, заставленном книгами кабинете в здании Союза писателей Кубы он кажется гостем: склонившись в углу над низким столиком, что-то быстро записывает в блокноте, не снимая трубку атакующего его телефона, не замечая входящих и выходящих людей. И вдруг, неожиданно оторвав глаза от работы, почувствовав на себе чужой взгляд, Гильен подыался навстречу:

— Пожалуйста, садитесь. Чтобы состоялся хороший разговор, нужно вылить по чашке хорошего кофе.

И засмеялся. Я смотрю на его смуглое лицо, подчеркнутую густой седinou, в его живые черные глаза и отказываюсь верить: нет, ему еще нет семидесяти. А он, пригубив чашечку густого, как ликер, кофе, начал, что называется, с места в карьер:

— Давайте договоримся: биографию свою я рассказывать не буду, на этом мы сэкономим время для разговора о поэзии.

На том и порешили. Беседа перешла на «деловые рельсы», но, признаться, еще раньше, читая изданные у нас книги Гильена, я чувствовал, что вся его жизнь отражена в стихах, — не напрямую, естественно, светом, а направленно, тем неповторимым ароматом причастности автора к истории, которая выдает в нем Гражданина.

О СЕБЕ он говорит так: Когда я пришел на эту землю, Никто меня не ожидал...

Было это 10 июля 1902 года в Кампагузе — старинном провинциальном городке Кубы. Атмосфера семьи, где отец, по профессии ювелир, один из руководителей рабочей организации, ставший затем издателем либеральной газеты и даже избранный на один срок сенатором, наложила отпечаток на формирование взглядов и характера юного Николаса. После убийства отца — это было политическое убийство — Гильен поступил работать наборщиком и всего за два года окончил полный курс сред-

ней школы, но попытка поступить в 1920 году в Гаванский университет закончилась неудачей. Здесь следует сказать, что предки Гильена... Впрочем, об этом он тоже говорит сам:

Я на невольничьем бриге приехал,
вместе со всеми.
Кнут плантаций, тростник под
ветром.

Солнце зверем.
Цепи. Ноги в колодах тесных.
Пот телу...

Да, его предки были африканскими рабами, привезенными на Кубу. Сам Гильен — мулат. Ощущение неразрывной связи со своим бесправным народом наложило глубокий отпечаток на все творчество Гильена. Негритянский народ стал героем его стихов. Особенно ярко это проявилось в цикле «Мелодии сон-соно», вошедшем в сборник «Сонгоро — сонго» и опубликованном в 1931 году.

Сон — народная танцевальная мелодия, сопровождаемая песней, переживала в то время период своего расцвета. И Гильен, великолепно чувствуя ритм сон, создал удивительные по силе сводололюбивые стихи, в которых сама жизнь гаванской бедноты рассказывала о себе. Рассказывала отчаянным и веселым, полулечным беззащитным голосом, с вызовом и иронией, с чисто народной мудростью. В его стихах влюблялись, танцевали, дрались, отдавали в заклад электрический уют, чтобы выкупить поджачную тройку... И слова, которыми говорилось об этом, и ритмы, в которые все это выливалось, могли возникнуть лишь на людях — за общей работой, в танце, а то и в беззлойной перебранке.

Однако негритянская проблема у Гильена не замыкается в узко расовых рамках, а отражает социальные процессы всей Кубы. Уже в «Вест-Индии» — книге, вышедшей три года спустя, зазвучали мотивы революционного протеста и мужества угнетенных. Ритм этих стихов не танцевальный, как прежде, а маршевый.

— Это были стихи, отражавшие мою гражданскую позицию в то время. Однако я думаю, что в «Песнях для солдат и сонях для туристов», которые были изданы в Мексике, мое революционное мировоззрение выражено более четко.

Да, это были уже боевые песни, утверждающие национальное самосознание и решимость народа перед лицом грядущих схваток. Для самого поэта схватка с реакцией началась в 1937 году в Испании, на поле битвы. Там еще больше закалился его революционный дух, там он стал коммунистом.

— В то время, — вспоминает Гильен, — я уже был тесно связан с революционным движением на Кубе. Но увиденное в Испании — героизм республиканцев, их революционный порыв — не забуду никогда. Это была для меня суровая школа, кровавая школа.

Вернувшись из Испании на родину, Гильен целиком окупился в борьбу — работал в коммунистической печати, выступал на рабочих собраниях, в фабричных клубах. Его поэзия обогащалась

новым содержанием, становилась еще более наступательной.

Без преувеличения можно сказать, что Гильен открыл нам Кубу, ее героев, живых и павших, ее думы и чаяния. Кто сегодня не знает ставших хрестоматийными строк поэта о Кубе, стонавшей под пятой диктатуры:

Моя родина кажется сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней...

Его оружие — перо, приравненное к штыку. Диктатура Батисты запретила ему вернуться на Кубу из Сантьяго, где он участвовал в работе конгресса деятелей латиноамериканской культуры, и Гильен вынужден жить в эмиграции. Он много ездит, много пишет. Его имя становится всемирно известным. Вклад поэта в борьбу народов пробуждавшегося континента прогрессивная общественность оценила присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

— КАКИМИ качествами должен обладать настоящий поэт? — улыбаясь, переспрашивает он меня. — Сначала нужно быть поэтом. Стихи должны легко восприниматься массами, заставлять их думать и действовать.

Я напоминаю ему в этой связи строчки Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

— Да, да, — подхватывает Гильен, — это так. Всегда были поэты, которые пытались превратить поэзию в игру. Но они всегда терпели поражение, их всегда сметало народное мнение. Выживали стихи, выражавшие точку зрения народа. У нас на Кубе тоже были такие примеры. Хосе Марти, комментируя стихи одного из кубинских поэтов — Хулиана дель Касала, сказал в конце прошлого века примерно те же самые слова, что и Некрасов.

Гильен оживает, когда речь заходит о его книгах, изданных за рубежом, — в Советском Союзе, Англии, ГДР, Болгарии, США, в других странах.

— А вы довольны переводами?

— Очень важно знать языки, на которые переведены твои книги, — говорит Гильен, — но это невозможно. Стихи могут быть переведены слово в слово, слово в слово, но они потеряют свой аромат. Важно, чтобы переводчик был и поэтом: Сервантес говорил: перевод — это то же самое, что картина, увиденная не снаружи, а как бы изнутри.

Победа революции — ее Гильен не только предрекал в своих стихах, но и готовил ими — явилась для него той охватывающей бурей, которая в пятьдесят с лишним лет возвратила поэту молодость.

Добрый день, мой стяг и мой герб;
добрый день, зеленые дали
и пальма — стрела, возненная в землю.
Добрый день, бородастый профиль
на бронзе медали,
мститель — мачете, сжатый рукою
дерзкой.

Новые задачи, которые решала страна, новый подход к человеку труда, к роли литературы в жизни общества,

стали и его делами, его непрестанной заботой. Свыше двенадцати лет он — бессменный руководитель Союза писателей Кубы, активный строитель социалистической культуры своей страны. И в то же время — солдат пера, всем послереволюционным творчеством доказывающий неизбывную молодость своей поэзии. Сборники «Что есть у меня...», «Большой зверинец» и «Зубчатое колесо», выпущенные с интервалом в несколько лет, отличаются жизнеутверждающим пафосом, философским решением тем, оригинальной формой.

— Для меня писать стихи — очень тяжелый труд, — говорит Гильен. — Никогда я не считаю стихотворение законченным, даже опубликованное.

Гильен говорит об успехах кубинской литературы и искусства, о тесных творческих связях с советскими коллегами и в этой связи замечает:

— Я считаю, что нужно еще больше увеличить обмен между молодыми писателями, поэтами и артистами наших стран. И чтобы поэтики эти были, скажем, на год. Для творческого человека только такое общение полезно.

Наша беседа явно затянулась. Конечно, с таким человеком, как Николас Гильен, можно говорить и сутки. Но... побережем его время. Мы прощаемся, а я вспоминаю его слова, сказанные на церемонии вручения поэту советского ордена Трудового Красного Знамени:

— Я испытываю постоянное радостное волнение всякий раз, когда моя жизнь входит в соприкосновение с жизнью советского народа. Я как-то уже говорил о волнении, испытанном в юности, когда до моего родного Кампагузы дошли первые, еще неясные отголоски Октября. В пору моей литературной юности я был потрясен гуманизмом Горького, взволнован звонкими стихами Маяковского, произведениями Гладкова, Федина, Островского, а также силой могучего таланта Льва Толстого, великого старца, творчество которого так высоко ценил Ленин. И позже я не раз бывал в вашей стране. Встречи у меня были самые разные — и с коллегами, и с простыми труженниками. Ни одну из них мне не забыть. Как не забыть волнения от встречи с улыбающимся по-дружески чистильщиком обуви, который отказался взять с меня скромную плату за свой труд, «потому что Куба и Фидель — да!».

Вот такой он, Николас Гильен — мудрый философ, большой поэт, чьи стихи и поэмы полны свежим ветром революционной романтики и борьбы.

В. ВЕРНИКОВ,
спец. корр. «Известий».
ГАВАНА — МОСКВА, март.
Фото автора.